

И. КАНТ О ПРОИЗВЕДЕНИИ ИСКУССТВА КАК РЕАЛЬНОСТИ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ ИДЕИ РАЗУМА

Д. О. Гусев

*Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Институт среднего профессионального образования*

Поступила в редакцию 11 мая 2025 г.

Аннотация: в статье рассматривается понятие произведения искусства в критической философии Иммануила Канта. Актуальность обращения к трансцендентальной философии Канта продиктована ее историко-философскими достижениями в области эстетики, имеющими непреходящее значение и повлиявшими не только на дальнейшее развитие эстетики, но и на современное искусство. Устанавливается, что произведение изящного искусства эстетически реализует собой бесконечную идею разума, вследствие чего прекрасное оказывается символом нравственной свободы для всякого мыслящего субъекта.

Ключевые слова: история философии, эстетика, произведение искусства, прекрасное, И. Кант.

Abstract: this article examines the concept of the work of art in Immanuel Kant's critical philosophy. The relevance of revisiting Kant's transcendental philosophy lies in its enduring historical-philosophical achievements in aesthetics, which have had a lasting impact not only on the subsequent development of aesthetic theory but also on contemporary art. The study demonstrates that a fine artwork aesthetically embodies the infinite idea of reason, thereby revealing beauty as a symbol of moral freedom for every subject endowed with reason.

Key words: history of philosophy, aesthetics, work of art, the beautiful, I. Kant.

Философия Канта, замечает Гегель, благодаря достигнутым результатам в «Критике силы суждения», «представляет собой исходную точку для истинного понимания прекрасного в искусстве», так как она является первой философской попыткой дедукции понятия прекрасного [1, с. 66]. С этой оценкой Гегеля соглашается и Гадамер: «В понимании прекрасного и искусства он (Кант. – Д. Г.) первым подошел к философской постановке проблемы» [2, с. 282–283]. Современные исследователи также обращаются к третьей критике Канта как теоретической основе для понимания процессов, происходящих с эстетикой и искусством в современности [3; 4]. Поэтому рассмотрение пути развития мысли, на котором было достигнуто философское понимание природы произведения искусства и прекрасного вообще, является актуальной задачей для современной философии, так как последняя настолько действительно современна, насколько наследует и развивает необходимое содержание классической философии.

Свою третью критику – «Критику силы суждения» – изначально Кант планировал назвать, как отмечает А. В. Гулыга, «Основоположениями критики вкуса» [5, с. 390–391]. Но такое намерение имелось у него до завершения предпринятого исследования.

В результате же проделанной работы выяснилось, что именно деятельность силы суждения выступает краеугольным камнем для суждений вкуса. Возникает справедливый вопрос: почему?

Сила суждения, по Канту, это одна из трех познавательных способностей, наряду с рассудком и разумом. В «Критике чистого разума» была выяснена познавательная роль *определяющей* силы суждения [6, с. 153–155]. Как таковая она подводит данное многообразное созерцание под всеобщие категории рассудка. В свою очередь, содержание созерцания через схематизирующую деятельность способности воображения получает категориальную определенность, благодаря чему для нас выступает некоторый особенный объект (как явление), подчиненный абстрактно-всеобщей категории. Таким образом, по Канту, открываются только всеобщие основоположения опыта, а всё особенное содержание опыта остается на откуп процессу рассудочного познания, идущему *in indefinitum*. Иными словами, через эти основоположения опыта природа выступает для нас только в своей абстрактно-всеобщей закономерности, отчего ее особенное содержание остается не раскрытым в своей специфике.

Но в том-то и дело, заметил Кант, что, если особенное содержание природы для нас выступает только через всеобщие законы рассудка, то это же самое

особенное содержание выражает собой всеобщий закон, но специфическим образом. Действительно, под категории причины и следствия могут быть подведены многообразные явления, но при этом каждое явление отличается друг от друга. Следовательно, только для него характерным образом явление будет выражать всеобщий закон, в котором оно тождественно со многими другими явлениями.

Поскольку же для абстрактного рассудка невозможно усмотреть, исходя из только всеобщих категорий, особенное содержание опыта, постольку открывающаяся специфическим (особенным) образом закономерность в многообразном содержании опыта, по Канту, есть *как бы рассудок самой природы*. Таким образом, *рефлектирующая* сила суждения в познании природы исходит из ее *целесообразности* для нас, т. е. из ее как бы случайного, или непреднамеренного, соответствия необходимому стремлению к закономерности нашего рассудка. То, что, исходя из особенных продуктов природы, мы обнаруживаем в них заранее не данную всеобщность их особенной (эмпирической) закономерности – их целесообразность – вызывает в нас *чувство удовольствия*¹.

В связи с этим выясняется, что рефлектирующая сила суждения имеет свой априорный принцип для чувства удовольствия наподобие того, как рассудок имеет априорный принцип для способности познания (первая критика), а разум – для способности желания (вторая критика [7, с. 423]). Но этот априорный принцип, по Канту, не есть познавательный, так как он есть принцип для вынесения эстетических суждений о предметах восприятия, т. е. принцип, по которому мы судим о собственном чувстве, сопровождающем наши представления.

Чувство удовольствия возникает, замечает Кант, в связи с успешным осуществлением некоторого намерения. Рассудок же действует по всеобщим категориям непреднамеренно. Сила суждения, в свою очередь, имеет субъективное намерение, т. е. ожидает, что многообразие природы должно образовывать систему по эмпирическим законам природы, т. е. целесообразным. Это – субъективное априорное условие возможности природы для нас. Поэтому, если наблюдение подтверждает реальность этого ожидания, т. е. если восприятие подтверждает реальность целесообразности *a posteriori*, то возникает чувство удовольствия, о котором мы судим, что оно есть необходимый всеобщий результат восприятия некото-

рого данного в опыте предмета. Следовательно, суждение, где предикатом, определяющим предмет представления, является чувство удовольствия, будет *эстетическим суждением*.

Чтобы выносить эстетические суждения, т. е. утверждать *a priori*, что с представлением о некотором предмете с необходимостью связано чувство удовольствия, требуется *вкус*.

Хотя о предметах представления мы можем судить эстетически, определяя, например, нечто в качестве *приятного* для нас, однако такое эстетическое суждение обусловлено, т. е. выражает лишь индивидуальные предпочтения субъекта, и в таком случае это не чистое суждение вкуса – оно не будет иметь всеобщего значения. Суждение же вкуса, определяющее нечто как *прекрасное*, безусловно, претендует на всеобщую значимость – на то, что с представлением об этом предмете неразрывно связано чувство удовольствия для всякого мыслящего субъекта. Такими прекрасными предметами для нас могут выступать, по Канту, или продукты природы, или произведения изящного искусства. В силу чего же они оказываются прекрасными для нас?

Эти предметы вызывают осознаваемое субъектом чувство удовольствия, возникающее вследствие *непреднамеренной* гармонии его рассудка и воображения. Получается, что *чистое* суждение вкуса базируется на своего рода интеллектуальном, или самосознательном, чувстве. Иными словами, утверждая, что нечто *прекрасно*, мы рефлектируем о своем чувстве удовольствия, вызванном гармонией познавательных способностей при восприятии данного предмета. И поскольку тут рефлексия не обусловлена патологическим характером внутреннего состояния, постольку такое суждение претендует на *всеобщее значение*. Что дело тут не столько в чувстве, сколько в единстве рефлексии и чувства, Кант отмечает, говоря про «восприимчивость (*die Empfänglichkeit*) к удовольствию из рефлексии о формах вещей (как природы, так и искусства)» [5, с. 129; 8, S. 44].

Однако выносить чистые суждения вкуса вовсе не означает творить произведения изящного искусства, так как «для *создания* (*der Hervorbringung*) подобных предметом, требуется *гений*», – пишет Кант [5, с. 152; 8, S. 194]. Гений же, по Канту, состоит в способности «схватывать быстро исчезающую (*vorübergehende*) игру воображения и объединять в понятия (именно поэтому оригинальном и вместе с тем открывающем новое правило, не следующее из предшествующих принципов или примеров), которое может быть сообщено другим без принуждения правилами» [5, с. 158; 8, S. 202]. Стоит заметить, что, по Канту, невозможно творить, как и судить, руководствуясь *заранее определенной* идеей, так как идея вообще есть тотальность синтеза обусловленного,

¹ «Мы испытываем, – пишет Кант, – радость (собственно, от того, что освобождаемся от некоей потребности), видя в этом счастливую случайность, благоприятствующую нашему намерению (познавательному. – Д. Г.); и, хотя мы должны с необходимостью допустить, что подобное единство (систематическое единство природы по эмпирическим законам. – Д. Г.) существует, тем не менее, мы не можем ни усмотреть, ни доказать его» [5, с. 24].

следовательно, она безусловна, а потому не может быть ограничена вполне. В чистых суждениях вкуса требуется руководствоваться именно *эстетической* идеей разума, а художнику необходимо *самостоятельно* ее выражать.

Поскольку вкус «есть лишь способность суждения, а не продуктивная способность», то правила, которые суждение вкуса может извлечь из некоторого ряда произведений изящного искусства, условны [5, с. 154; 8, S. 197]. Они не будут являться основой художественного творчества, руководствуясь которыми можно было бы создавать шедевры. На их основе могут возникнуть лишь продукты механического искусства. Такое подражание будет только подделываться под произведение изящного искусства, стремится понравиться своей *привлекательностью*, *правильностью*, но не красотой.

При этом гениальность, по Канту, не предполагает отрицания правил вообще, поскольку подобное пренебрежение рассудком в угоду воображения сказалось бы негативно на результате художественного творчества. Ведь бывает не только лишенный гения вкус, но и лишенный вкуса гений. «Поэтому, если при столкновении этих двух свойств в художественном произведении следует чем-либо пожертвовать, то это скорее должно относиться к гению; сила же суждения, которая в вопросах (in Sachen) изящного искусства высказывается, исходя из собственных принципов, допустит скорее ограничение свободы и богатства воображения, чем ограничение рассудка», – пишет Кант [5, с. 161; 8, S. 206].

Почему же такое важное значение имеет рассудок в художественном творчестве, а следовательно, и в производстве искусства, если прежде было замечено, что рассудочные правила непосредственно не определяют произведение как произведение именно *прекрасного* искусства? Именно потому, что посредством рассудка реальная определенность созерцания дается для восприятия в опыте, т. е. без рассудочных правил для нас не выступает определенность объекта вообще. В применении же к произведению искусства недостаток рассудка означал бы невозможность схватить определенность созерцаемого. Ведь в свободной игре воображения рассудочное понятие получает эстетическое расширение, т. е. здесь закономерность оказывается произведением свободы, тогда как лишенная закономерности свобода творчества вылилась бы в произвол художника.

Итак, получившее эстетическое расширение понятие рассудка выражает эстетическую идею разума. Последняя, хотя и дается в опыте для созерцания каждого, следовательно, как предмет, но этот предмет есть самостоятельное (свободное) произведение человеческого духа. Поэтому произведение искусства прекрасно в силу той формы, содержание которой

имеет всеобщее значение для нас как мыслящих субъектов². Таким содержанием, по Канту, выступает *эстетическая* определенность *идеи* свободы, а красота поэтому есть символ нравственности, выраженный в *идеале*.

При этом критическая философия Канта позволяет ответить на вопрос, который часто поднимается в современности: имеет ли искусство границы? Единственным пределом, которым ограничено искусство и выходя за которое оно перестает быть собой, а его предметы – произведениями искусства, выступает красота. А красотой вообще, пишет Кант, «можно назвать *выражение* (*den Ausdruck*) эстетических идей с той только разницей, что в изящном искусстве идею должно вызывать понятие об объекте», который, следует добавить, должен быть дан в восприятии для созерцания [5, с. 161–162; 8, S. 206]. Иными словами, произведение искусства предметно выражает прекрасное.

Итак, что же такое произведение искусства, по Канту? Это духовное творение гения, созданное в свободной игре рассудка и воображения так, что его форма представляется целесообразной без определенной заранее цели, и хотя оно создается преднамеренно, но эта целесообразность «не должна казаться таковой, т. е. изящное искусство мы должны *рассматривать* как природу (*als Natur anzusehen*), сознавая при этом, что перед нами произведение искусства, – т. е. в нем нет и следа того, что художник видел перед своим умственным взором правило, накладывающее оковы на его душевные силы» [5, с. 148; 8, S. 189].

ЛИТЕРАТУРА

1. Гегель Г. В. Ф. Эстетика : в 4 т. М. : Искусство, 1968. Т. 1. 312 с.
2. Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного // Актуальность прекрасного. М. : Искусство, 1991. С. 266–323.
3. Загороднева Ю. А. «Отголоски» И. Канта в современном искусстве // Вестник Челябин. гос. ун-та. Философия. Социология. Культура. Вып. 23. 2012. № 4 (258). С. 98–100.
4. Никонова С. Б. Философия Канта и основания процесса эстетизации в современной культуре // Кантовский сборник : научный журнал. 2012. 1 (39). С. 45–54.
5. Кант И. Критика способности суждения // Соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994. Т. 5. 414 с.
6. Кант И. Критика чистого разума // Соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994. Т. 3. 741 с.

² «Во всяком изящном искусстве существенное состоит (*besteht*) в форме, целесообразной для наблюдения и суждения, где удовольствие одновременно есть культура и располагает дух к идеям (*zu Ideen stimmt*), <...> а не в материи ощущения (в привлекательности или трогательности), когда всё дело только в наслаждении, которое ничего не оставляет в идее», – пишет Кант [5, с. 167; 8, S. 213].

7. *Кант И.* Критика практического разума // Соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994. Т. 4. 630 с.

8. *Kant I.* Kritik der Urtheilskraft. М. : Астрель, 2006. 420 S.

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Институт среднего профессионального образования

*Гусев Д. О., преподаватель
E-mail: gusevv.d.o@gmail.com*

St. Petersburg Polytechnic University named after Peter the Great, Institute of Secondary Vocational Education

*Gusev D. O., Lecturer
E-mail: gusevv.d.o@gmail.com*